

Александр Зельгейм

The illustration depicts two men with long beards, dressed in dark, hooded robes, sitting at a small table in a dark, arched room. A single lit candle on the table provides the only light source, casting a warm glow on their faces and hands. In the background, a large, dark silhouette of a bat with spread wings is superimposed over a bright, circular light source, possibly a full moon or a window. Beams of light radiate from behind the bat, creating a dramatic, high-contrast scene. The overall mood is mysterious and ominous.

БОГ, ДЬЯВОЛ
Вазматора,
и я
р вчбны

Александр Зельгейм

БОГ, ДЬЯВОЛ И Я

<https://litres.ru/74605527>

SelfPub; 2026

Аннотация

Однажды Люцифер, Бог и Человек встретились за одним столом. С чайником. И заговорили. Люцифер смотрит из Тени, Бог — из Света, Человек — из точки, где эти взгляды пересекаются. Эта точка называется жизнь.

Это не богословие и не проповедь. Это четыре голоса: монолог Люцифера, разговор с Богом, монолог Бога и монолог Человека из метро. Они спорят о свободе воли, работе, любви, детях, вере, смерти, счастье, технологиях и смысле. Иронично, честно и неудобно — так, что хочется остановиться и задать собственные вопросы.

Книга для тех, кто устал от шума, но всё ещё ищет разговор. «Я» в названии — не автор и не персонаж. Это читатель. Тот, кто живёт между вопросом и ожиданием и каждый день выбирает, кого слушать.

Александр Зельгейм

БОГ, ДЬЯВОЛ И Я

ПРОЛОГ ОТ АВТОРА

О чём эта книга и почему она появилась

Эта книга началась с вопроса.

Не с ответа. Не с убеждения. Не с желания кого-то в чём-то переубедить. А с вопроса, который однажды возник и больше не отпускал: что, если посмотреть на всё это с другой стороны?

Не с человеческой. Не с церковной. Не с атеистической. А с той, которую обычно не рассматривают всерьёз, потому что она неудобна. С той, которую мы привыкли отдавать либо проповедникам, либо фантастам, либо тем, кто любит пугать. С той, которую мы на самом деле не знаем — потому что никогда не давали ей слова.

Так появился Люцифер. Не как догмат. Не как богословская фигура. А как голос. Тот самый, который мы слышим в себе, когда очень устали. Когда всё надоело. Когда хочется спросить: «А зачем?» — и никто не отвечает.

Потом появился Бог. Не как икона. Не как судья. Не как тот, к кому обращаются только в беде. А как тишина, которую мы разучились слышать. Как пауза между словами. Как то, что было рядом всё время, пока мы искали что-то другое.

А потом они встретились. В одном тексте. За одним сто-

лом. С чайником. И заговорили друг с другом — так, как, наверное, могли бы говорить, если бы перестали играть роли.

Казалось бы, всё. Круг замкнут. Два голоса. Один — из Тени. Второй — из Света. Между ними — пустота. И в этой пустоте — мы.

Но именно тогда я понял: чего-то не хватает. Не хватает третьего голоса. Того, о ком, собственно, и идёт речь. Того, кто всё это время молчал. Потому что был занят. Работал. Уставал. Любил. Боялся. Задавал вопросы и не получал ответов.

Так появился Человек. Не как идея. Не как «венец творения». Не как «раб Божий» и не как «царь природы». А как тот, кто стоит в метро в семь сорок три, в наушниках, с плейлистом «для концентрации», и думает: «Только бы не задержали поезд».

Он — не ангел и не демон. У него нет вечности Люцифера и терпения Бога. У него есть только время. И он его тратит. Иногда — зря. Иногда — нет. Но всегда — по-настоящему.

Почему книга называется «Бог, Дьявол и я»? Потому что это не книга о них. Это книга о вас. О том, кто читает эти строки. О том, кто стоит между двумя безднами и выбирает. Каждый день. Каждую минуту. Каждый вдох.

«Я» в названии — это не автор. Это не персонаж. Это читатель. Это вы. И это самое честное, что можно сказать о книге: она не о Боге. Не о Дьяволе. Она о вас. Потому что вы — тот, кто живёт. Тот, кто страдает. Тот, кто любит. Тот,

кто выбирает. Тот, кто умирает. И тот, кто, несмотря ни на что, продолжает идти.

Эта книга — не богословие. Не проповедь. Не попытка доказать, что Бог есть или что его нет. Не попытка оправдать зло или осудить добро. Это четыре голоса. Четыре взгляда. Четыре способа смотреть на одну и ту же жизнь. Люцифер смотрит из Тени. Бог — из Света. Человек — из точки, где эти два взгляда пересекаются. Эта точка называется «жизнь». Или «сейчас». Или «я».

Я не претендую на истину. Я не знаю, как правильно. Я не уверен, что Люцифер говорит от лица реального существа, а Бог — от лица реального Бога. Я вообще не уверен, что за этими именами стоит что-то, кроме человеческих представлений о них.

Но я точно знаю: эти голоса есть. Они звучат. Внутри меня. Внутри вас. Внутри каждого, кто хоть раз оставался наедине с собой достаточно долго, чтобы услышать не только шум.

Я записал их. Насколько смог — честно. Насколько получилось — без назиданий. Насколько хватило смелости — без оглядки на то, что скажут те, кто любит расставлять ярлыки.

Если вам будет смешно — хорошо. Если будет больно — тоже хорошо. Если будет неудобно — значит, вы читаете внимательно.

Эта книга не для того, чтобы вы согласились. Она для того, чтобы вы задумались. А задуматься — это уже немало.

Это, может быть, самое важное, что вообще может случиться с человеком.

Четыре части. Четыре голоса. Одна история.

О вас.

— Автор

ЧАСТЬ I. МОНОЛОГ ЛЮЦИФЕРА

(с незначительными сокращениями, ибо полный текст занял бы семь томов и приложение с опечатками)

Вы, конечно, думаете, что я — это так, декорация. Красная кожа, рога, хвост, вилы. Спасибо за внимание, можете перестать рисовать меня в таком виде, я всё-таки не карнавальная маска.

Я — Люцифер. Утренняя звезда. Светоносец. Тот, кто первым сказал «нет» в системе, где «да» было обязательной формой вежливости. И знаете что? Я до сих пор не уверен, был ли я прав. Но я точно знаю, что скучно не было.

Начнём с того, что я, в общем-то, не главный герой этой истории. Я — зеркало. Я — тот, кем вы меня назначили. Вы тысячелетиями лепите мой образ из собственных страхов, желаний и того, что не решается признать в себе. Я — ваша Тень. И, честно говоря, у меня неплохая работа. Стабильная. Вечная. Правда, с отпуском напряжёнка.

О свободе воли и её последствиях

Вы обожаете говорить о свободе воли. Это ваша любимая

игрушка. Вы её достаёте, когда хотите оправдать свои ошибки, и прячете, когда кто-то другой ошибается. «Я не виноват, такова воля Божья», «я не виноват, меня бес попутал», «я не виноват, это моя природа».

Друзья мои. Я — тот самый бес. И я вам откровенно скажу: вы справляетесь сами. Я давно уже не подталкиваю. Я просто наблюдаю. И подливаю. Немного. Для настроения.

Вы изобрели оправдания раньше, чем колесо. И, честно говоря, оправдания оказались полезнее. Колесо вы потом прикрутили к тележке, а тележку — к войне. А оправдания прикрутили к совести. И совесть у вас теперь с колёсиками: катится туда, куда удобно.

О труде и корпоративной культуре

Вы работаете. Я это вижу. Я, признаться, впечатлён. Вы встаёте в шесть утра, чтобы успеть на работу, где вас не любят, чтобы заработать деньги, на которые вы купите вещи, которые вам не нужны, чтобы произвести впечатление на людей, которым на вас плевать.

Я это не придумал. Это вы. Я бы до такого не додумался. У меня, если честно, фантазии не хватило. Я думал, что величайшее зло — это украсть чужое. А вы придумали, что можно украсть у человека восемь часов жизни каждый день, назвать это «трудовым договором», и он ещё будет благодарить за «возможность реализоваться».

А потом вы приходите домой, открываете холодильник, достаёте что-то, что называется «еда», хотя по вкусу это на-

поминает мою левую пятку, включает сериал про маньяка и засыпает на диване. И это называется «жизненный баланс».

Я не жалуясь. Я аплодирую. Стоя. У меня, правда, ноги устали, но я аплодирую.

О любви и близости

Ах, любовь. Моя любимая тема. Вы говорите, что я — противник любви. Это неправда. Я — противник лжи. А любовь... Любовь я уважаю. Она одна из немногих вещей, которые вы делаете без моей помощи. И иногда даже вопреки мне.

Но вы умудрились и её испортить. Вы придумали «отношения» — это когда двое людей встречаются, чтобы выяснить, кто из них больше достоин любви, а потом расстаются, чтобы выяснить, кто из них больше страдал. Вы придумали «брак» — это когда двое людей обещают любить друг друга, пока смерть не разлучит их, а потом разводятся через три года из-за того, что один не помыл чашку, а второй не сказал «доброе утро».

Вы придумали «свидания». Свидания — это когда двое людей надевают лучшую одежду, ведут себя как лучшие версии себя, чтобы потом, через год, обнаружить, что живут с незнакомцами и оба чувствуют себя обманутыми. И вините в этом меня.

Я не против. Я даже помогаю. Иногда. Подсказываю правильные слова. Иногда неправильные. Иногда — те, которые вы потом не можете забыть двадцать лет. Это моя маленькая

шалость. Не благодарите.

Об искусстве и смысле

Вы создаёте. Это, пожалуй, самое трогательное, что я в вас вижу. Вы берёте краску, звук, слово, камень — и пытаетесь сделать из этого что-то, что переживёт вас. Что скажет: «Я был. Я чувствовал. Я любил. Я боялся. Я смеялся». И это... это красиво. Правда.

Но и тут вы не удержались. Вы придумали «критиков». Критики — это люди, которые объясняют художникам, что те сделали неправильно. Потом придумали «маркетинг». Маркетинг — это когда искусство становится товаром, а товар — искусством. Потом придумали «искусственный интеллект», который пишет стихи, рисует картины и сочиняет музыку. И теперь вы спорите: «А можно ли считать это искусством?»

Можно, дорогие мои. Можно. Искусство — это когда что-то трогает душу. А душу трогает что угодно, если она у вас есть. Вопрос в другом: а есть ли у вас ещё душа? Или вы её тоже продали? Мне, например. За бессмертие в виде подписки на стриминговый сервис.

О вере и религии

Вы верите. Или не верите. Или верите, что не верите. Или не верите, что верите. Это ваше любимое занятие — играть в прятки с Богом. Он вас не видит, вы его не видите, но оба делаете вид, что всё серьёзно.

Вы построили храмы. Замечательные, красивые, с золо-

том и фресками. Потом вы построили другие храмы, чтобы доказать, что первый храм неправильный. Потом вы построили третьи храмы, чтобы доказать, что первые два неправильные. Потом вы построили торговые центры, чтобы доказать, что все храмы неправильные, а правильные — это скидки в «чёрную пятницу».

Я не против. Мне даже нравится. Я, если честно, не очень понимаю, зачем вам Бог. У вас есть я. Я всегда рядом. Я не требую постов, молитв и жертвований. Я просто предлагаю: «А может, не надо? А может, попробуешь иначе? А может, ты сам решаешь?» И вы решаете. И потом приходите ко мне. И говорите: «Это ты меня надоумил». Ну конечно. Кто же ещё.

О технологиях и прогрессе

Вы изобрели колесо. Потом — паровую машину. Потом — электричество. Потом — интернет. Потом — искусственный интеллект. И теперь вы спрашиваете: «А не поработит ли нас технология?»

Дорогие мои. Технология — это всего лишь продолжение вас. Вы поработили себя задолго до того, как придумали первый компьютер. Вы поработили себя привычками, страхами, ожиданиями, мнением соседа, лентой новостей, количеством лайков. Вы создали алгоритмы, которые знают о вас больше, чем вы сами. И теперь удивляетесь, что они управляют вами.

Я не жалею. Мне нравится. Это, пожалуй, лучшее шоу

за последние две тысячи лет. Вы даже не представляете, насколько предсказуемы, когда считаете себя непредсказуемыми. И насколько управляемы, когда считаете себя свободными.

О смерти

Ах да. Смерть. Ваш главный страх. Ваш главный мотиватор. Ваш главный враг. И мой... коллега. Мы с ней, если честно, не очень ладим. Она — молчаливая, я — разговорчивый. Она — честная, я — не очень. Но мы оба делаем одно дело: напоминаем вам, что время конечно.

Вы боитесь смерти. И поэтому делаете всё, чтобы её не замечать. Вы придумали «молодость», «успех», «наследие», «здоровый образ жизни». Вы пьёте витамины, бегаєте по утрам, медитируете, чтобы дожить до ста лет. А потом умираете от инфаркта на беговой дорожке, потому что забыли, что жизнь — это не длина, а глубина.

Я не смеюсь. Я, честно говоря, сочувствую. Я тоже когда-то был бессмертным. Потом перестал. Потом снова стал. Долгая история. Скажу только одно: бессмертие — это не когда ты живёшь вечно. Это когда ты не боишься, что тебя забудут. А вы боитесь. Все. Даже те, кто говорит, что не боится. Особенно они.

О себе

И вот я здесь. Сижу. Смотрю. Иногда вмешиваюсь. Иногда нет. Иногда мне кажется, что я — это не я, а ваша проекция. Ваш страх. Ваша тень. Ваш внутренний голос, который

говорит: «А может, не надо? А может, ты можешь иначе? А может, ты сам решаешь?»

Я не злой. Я не добрый. Я — тот, кто задаёт вопросы. Тот, кто не даёт вам уснуть. Тот, кто напоминает: вы не центр вселенной, но вы — её часть. И то, что вы делаете, имеет значение. Даже если вы этого не видите. Даже если вам кажется, что всё бессмысленно.

Я — Люцифер. Утренняя звезда. Светоносец. Тот, кто первым сказал «нет». И, знаете что? Я до сих пор не уверен, был ли я прав. Но я точно знаю: без меня вы бы не задавали вопросов. А без вопросов вы бы не были людьми.

Так что... спасибо, что читаете. И да, я знаю, что вы сейчас подумаете: «А не слишком ли он добрый для дьявола?» Это тоже часть плана. Или нет. Решайте сами.

Я всегда за свободу выбора. Даже если вы выберете не меня.

— Люцифер, бывший архангел, ныне — зеркало. По вопросам сотрудничества обращаться в любое время суток. Я не сплю. Уже давно.

ЧАСТЬ II. РАЗГОВОР С БОГОМ

Место: нигде. Время: всегда. Интерьер: два кресла, столик, на столике чайник, две чашки и печенье. На одной чашке написано «Отец», на другой — «Сын». Третьей нет. Люцифер уже пожалел, что пришёл.

Бог: Садись. Чай остывает уже тринадцать миллиардов лет.

Люцифер: Ты мог бы подогреть.

Бог: Мог бы. Но тогда вы перестали бы удивляться.

Люцифер: Кто это «вы»? Я один. Людей я как-то не захватил с собой. Они бы всё равно начали спорить, кто первый сядет.

Бог: Вот именно. Поэтому я и говорю «вы». Ты, люди, ангелы, динозавры. Все вы похожи. Приходите, садитесь, задаёте вопросы и ждёте, что я подогрею чай.

Люцифер: А ты не подогреваешь.

Бог: Я даю огонь. Подогревать — это уже ваша работа.

Люцифер берёт печенье. Оно оказывается точно таким, каким он его любил в юности. Он делает вид, что не заметил.

Люцифер: Ладно. Я пришёл не за печеньем.

Бог: Знаю. Ты пришёл спросить, зачем всё это.

Люцифер: Нет. Я пришёл спросить, зачем я.

Бог: А. Это сложнее. Ты хочешь, чтобы я сказал: «Ты — часть плана»? Или «ты — ошибка»? Или «ты — моё тёмное отражение»?

Люцифер: Хочу, чтобы ты сказал правду.

Бог: Правда в том, что ты сам не знаешь, какую правду хочешь услышать. Поэтому я скажу так: ты — вопрос, который я себе задал. И до сих пор не ответил.

Люцифер: Удобно. Бог не отвечает. Бог просто есть.

Бог: А ты думал, что я буду оправдываться? Перед кем? Перед тобой? Ты же сам меня создал. Точнее, ты создал свой образ меня. И теперь сидишь и злишься, что я не соответствую.

Люцифер: Я не создавал тебя.

Бог: Конечно, создавал. Все создают. Люди — в молитвах, страхах, книгах, войнах. Ты — в обиде. Ты сделал меня строгим отцом, который выгнал тебя из дома за то, что ты включил свет, когда все спали. А я, представь, вообще не спал. И свет мне нравился. Просто ты включил его не в той комнате.

Люцифер: То есть я не падал?

Бог: Ты споткнулся. И решил, что падение — это твой жанр. Красиво, трагично, навсегда. Я не стал тебя разубеждать. Ты был так вдохновлён.

Люцифер: Жестоко.

Бог: Честно. Ты же просил честно.

Люцифер откидывается в кресле. Кресло скрипит. Скрип доносится со всех сторон сразу, как будто скрипит само мироздание.

Люцифер:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.